

*Владимир Марамзин
Париж, Франция*

**К ИСТОРИИ 5-ТОМНОГО СОБРАНИЯ
СОЧИНЕНИЙ БРОДСКОГО,
В ЛЕНИНГРАДСКОМ «САМИЗДАТЕ»
В 1972—1974 годах ***

Сбор рукописей

[...] Когда Иосиф рассказал мне о вызове в ОВИР и «приглашении» немедленно уехать, на которое он ответил согласием, понимая, что этот период жизни ему закрыли, я попросил оставить нам все написанные стихи. Иосиф дал мне несколько листов и развел руками. Он не хранил своих стихов, не собирал их ни в сборники, ни в папки. «Всё тут», — показал он на голову (хотя оказалось, что в памяти далеко не все).

Помню, меня охватила настоящая паника. Я попросил его перепечатать, что помнит, но времени оставалось мало. Я предложил свою помощь, Иосиф заинтересовался, ему, похоже, стало действительно любопытно собрать всё написанное. По его совету я обошел общих друзей, и у каждого нашлись подаренные автором, перепечатанные или переписанные от руки листы. Иосиф отличался подлинно русской широтой, щедростью и несобирательством. Он оставлял свои стихи, следы присутствия, молекулы своей жизни у друзей, приятелей и ползнакомых без счета и памяти. Конечно же, он верил, по Булгакову, что «рукописи не горят».

В то время я сознательно не записывал ни имен, ни адресов, чтобы, в случае чего, действительно ничего не помнить и никого не подвести. Поэтому теперь, через столько лет, я мало кого могу назвать. Разумеется, помогали мне Я. Виньковецкий, Я. Гордин, И. Ефимов, Л. Лосев, М. Мильчик — у каждого было немало Бродского. Огромное собрание оказалось у М. Мейлаха, который, увлекшись идеей, начал розыск среди своих друзей, мне не знакомых. Иосиф сам направил меня по нескольким адресам. Однажды он повел меня к Московскому вокзалу, мы обошли его

* Печатается в сокращении. Полную версию см.: История одного политического преступления: (сб. материалов и публикаций). Харьков: Права людини, 2006. С. 3—16 (доступно на сайте: <http://library.khpg.org/files/docs/Hefec-1.pdf>).

стороной, пересекли несколько дворов и, поднявшись по крутой лестнице, оказались у Рады Блюмштейн, бывшей жены его товарища. У нее было аккуратно перепечатанное, хотя и никак не систематизированное собрание. Многие у меня уже было, другие вещи я видел впервые, да и Иосиф несколько раз вскинулся, увидев забытые им стихи. Единственная беда была в том, что стихи перепечатывались без строгой пунктуации — хозяйке это казалось неважным, что мне потом немало осложнило работу при редактировании вариантов.

Всё собранное Бродский прочитывал, пока не пришло нам время его проводить. Мне было радостно видеть, что он завелся, пытается датировать стихи без даты, по отдельному стихотворению вспоминает, что оно из цикла и цикл должен найтись, ставит забытые переписчиком или не указанные им самим посвящения (иной раз только что пришедшие на ум спустя годы).

Круг друзей и знакомых все расширялся, вышел за пределы Ленинграда, охватил Москву, куда я ездил неоднократно, особенно после высылки Иосифа.

Иосиф в России был беден, как церковная крыса. Он жил у родителей («полторы комнаты»), которые кормили его. Одевался он, особенно после ссылки, иностранными друзьями (и одевался, кстати, замечательно — лишний повод для ненависти со стороны официальных поэтов и властей). А вот живых денег почти не было. Помню, он был в больнице, и, как члену профгруппы при Союзе писателей, ему полагалось оплатить больничный лист по среднему заработку. Я, в то время член той же профгруппы, пытался выбить для него эти деньги. Оказалось, что за год (не самый худший) Иосиф Бродский, работая ежедневно над своими стихами и над переводами, как галерный раб, заработал всего лишь 170 р. (столько в те годы зарабатывал, скажем, инженер — но только за месяц, а не за год). Поэтому на дни рождения друзей, на праздники и вечеринки Иосиф приходил с бутылкой водки, завернутой в стихи. Это могло быть свежее, еще никому не известное стихотворение или «стихи на случай» — стихотворное послание, посвящение, дружеская эпиграмма. Подарок этот был бесценный, дороже любых других, хотя автор зачастую извинялся в стихах за скромность подношения («но двух рублей давно не видя вместе...» — несколько раз повторявшийся мотив). Среди этих посланий были настоящие шедевры. Как правило, адресаты не отказывали мне, давали скопировать дорогие им тексты для собрания сочинений. И это доверие ко мне и к самому делу давало мне новые силы. Я переписывал стихотворения от руки, а потом печатал: копировальная техника тогда в России была недоступна.

Однажды я пришел к Иосифу на Литейный, он выложил мне стопку «конторских» книг, сплошь исписанных и изрисованных им в ссылке в Норенской. Он настолько проникся идеей собрания, что решил отдать мне на расшифровку эти рукописи (где было, кроме всего, много личного). Почерк был не самый легкий. Первое время я давал ему перечитывать и убеждался, что многого не разобрал или разобрал неверно. Потом я набил руку.

Конторские книги оказались сокровищем. Кроме известных стихов, таких как «Стансы к Августе», я нашел там множество новых, мне неизвестных и, возможно, тех, которых был я первым читателем («Инструкция заключенному», «Сокол ясный, голова...», «Сонет» («Выбрасывая на берег словарь...») и др.).

Быть первочитателем великого поэта — привилегия и радость, которые перекрывают весь труд и все опасности, с этим связанные.

При знакомстве с конторскими книгами встал вопрос о рисунках. Рисовал он хорошо — еще один признак большого поэта. Мой друг искусствовед Михаил Мильчик предложил мне помощь — он много фотографировал архитектуру и графику для себя, для своей работы. Мы провели с ним десятки часов над конторскими книгами Бродского у меня дома, на окраине Ленинграда, на Гражданке, где он установил свою треногу с нацеленным вниз аппаратом.

Приближалась дата отъезда Иосифа. В последний день он позвал меня и попросил отвезти в Москву письмо правительству. Оно было адресовано Брежневу и поистине провидчески предупреждало о неизбежном письменном возвращении поэта на родину. Письмо было рукописным, не слишком разборчивым. Посылать в таком виде было невозможно. Договорились, что я перепечатаю его и отвезу в Москву сам (известно, что письма из Ленинграда в правительственные инстанции перехватывались на почте и направлялись в ленинградские органы). Иосиф расписался под чистым листом бумаги, и я, перепечатав текст на этом листе, отвез его в Москву и сдал в приемную ЦК (наверное, не без того, чтобы привлечь к себе внимание). Черновик, если не ошибаюсь, я вернул родителям Бродского.

Предстояло продолжить сбор и составление собрания уже без автора.

В Москве одним из друзей, к которым отправил меня Иосиф, был Виктор Голышев, переводчик английской прозы. У него оказалось немало новых для меня стихов, посвящений, посланий. Он, в свою очередь, перенял эстафету и во многом открыл мне Москву Бродского. Может быть, я сейчас ошибаюсь, но я почти уверен, что переводы английских пьес, сделанные Бродским, пришли от Голышева.

Теперь я знаю, что обошел далеко не всех, что круг общения Бродского был необычайно широк, и для того, чтобы дать мне некоторые нити, он должен был раскрыть определенные жизненные секреты, которые предпочел увезти с собой.

Составление собрания

Вопрос порядка составления возник сразу же. Я много думал о нем и советовался с Бродским. Однако после конторских книг я утвердился в том, в чем практически был уверен с самого начала. Порядок стихотворений должен быть хронологическим. Идея не новая, но верная. При нормальных отношениях книгопродавца с поэтом эта проблема не встает. Автор сам организует стихотворения в книги (или циклы), которые выходят в свет одна за другой, оставляя на обочине лишь небольшую часть произведений — для посмертного включения в том «Неизданное». Но вспомним, что до 1972 г. в России было напечатано не более десятка стихотворений Бродского, считая публикации в газетах, детские стихи в журнале «Костер» и даже переводы. Поэзия — не только лирический дневник, но и дневник развития мысли, которое у столь интенсивно думающего человека, как Бродский, не могло не завораживать читателя.

Иосиф согласился с хронологическим принципом. Однако это оказалось непростым делом. Во-первых, многие стихи не были датированы. Во-вторых, Иосиф, просматривая мои «находки», нередко менял даты под стихами по только ему ведомым причинам. Иногда проговаривался: «Поставим тут 65, а то М. обидится». Много работы было с циклом «Песни счастливой зимы». Он несколько раз менял состав цикла, порядок стихотворений и некоторые даты (эту работу он продолжил в Нью-Йорке). Некоторые стихи не смог датировать, ставил год приблизительно, пытаюсь вспомнить обстоятельства (такие стихотворения я поместил в конце соответствующего года). Бывали случаи, когда он позже, обдумав, уточнял хронологию.

Когда картина начала выстраиваться, я был поражен и взволнован, как, возможно, никогда не был взволнован раньше. Передо мной лежало первое собрание сочинений крупнейшего поэта нашего столетия, без всякого вызова или аванса. И я был первым его читателем.

Основной корпус поэзии занял три тома. В четвертый попали детские, шуточные стихотворения и стихи на случай, пятый составили переводы. Нелегко было решить, что отнести к основному

корпусу, а что к стихам на случай, потому что, как я писал выше, среди последних было немало подлинных удач, выходящих за рамки этого жанра. Пока Иосиф был в России, выбор оставался за ним. Потом решать пришлось мне — разумеется, с помощью друзей.

Не обошлось без курьезов. Мейлах раскопал у себя стихотворение, переписанное им от руки и положенное в папку Бродского. Стихотворение удивило Иосифа. «Совершенно не помню», — сказал он мне. Однако и раньше случалось, что он не сразу вспоминал те или другие стихи. «Но это твое?» — спросил я. «Да вроде...» — был ответ. Через два дня Иосиф позвонил мне: «Это же Найман! Это не мое!» Стоит ли говорить, что оно было неотличимо от манеры Бродского.

А вот два стихотворения К. Азадовского так и попали в свод, так Иосиф их и проглядел, принял действительно за свои, и они остались в моем собрании, а потом и в собрании Пушкинского фонда, слепо следовавшем за моим: «Декабрьские строки» («Пернатые на тоненьких ногах...») и «Лисица не осмелится кружить...» (1, 379—380). Но об этом я узнал позже.

Можно удивиться, что автор принял чужие произведения за свои (и даже поставил в 1972 г. дату под первым из них). Но это говорит, во-первых, о том, как много он работал в то время (впрочем, и всегда), и, во-вторых, о желании многих уже тогда подражать ему. Возможно, конечно, что такой поэт, как Бродский, подмял под себя целое поколение окружавших его молодых (вспомним о Шекспире).

Когда собираешь экземпляры из разных источников, неизбежны варианты и разночтения — от опечатки, меняющей смысл фразы, до авторской правки. Не всегда очевидно, какой текст основной, окончательный, что было поэтом сокращено, что добавлено. Без контакта с автором, без других рукописей и черновиков можно было полагаться лишь на чутье и помощь (память) общих друзей.

Редактирование

Редактор, как бы мы ни содрогались от этого слова из-за нашего несчастного советского опыта, необходим любому изданию. А тем более самиздатскому и к тому же публикуемому без участия автора.

Даже пунктуация составляет предмет постоянной заботы. В разных экземплярах можно встретить различную пунктуацию, а зачастую, как известно, знак препинания совершенно меняет смысл.

Один пример из Бродского: в стихотворении «Пророчество» (1965) в строках «В Голландии своей наоборот / мы разведем с тобою огород...» до сих пор в разных публикациях слово «наоборот» выделяют запятыми — и получается чушь. Что значит «В Голландии своей, наоборот, / мы разведем...», т.е. в других странах не разводили? Речь идет о месте на берегу, отгороженном дамбой от континента (от жизни людей), а не от моря — в отличие от Голландии. Таких примеров можно привести немало.

Нужен редактор и автору. Так, мы говорили Иосифу, что в поэме «Post aetatem nostram» (1970) фраза «Большая золотая буква М... лишь прописная по сравнению с той...» лишена смысла, так как «прописная» и значит «большая», а следовало сказать «строчная», т.е. «маленькая». Он согласился, но, впрочем, махнул рукой и переделывать не стал. Это относится также к строчке «И не тебе в слезах меня пенять» из «Подсвечника» (1968). Л. Лосев говорил ему, что надо бы «мне», но Иосиф оставил так — *licentia poetica*.

В другом случае он согласился со мной и поменял название стихотворения «Семь лет спустя» на «Шесть лет спустя» (1968). Оно начинается словами: «Так долго вместе прожили, что вновь / второе января пришлось на вторник...» Несложная арифметическая выкладка покажет, что такое событие происходит через шесть, а не через семь лет из-за високосного года, неизбежно падающего на этот период.

Работа эта значительно усложнилась в отсутствие автора. Я запретил себе какие бы то ни было исправления, даже очевидные, кроме явных (т.е. действительно глупых и очевидных) опечаток, а все соображения — и свои, и друзей — решил изложить в примечаниях. Я надеялся и частично оказался прав, что когда-нибудь поэт прочтет их и они помогут ему в окончательной отделке текста.

Как, вероятно, ясно из предыдущего, я перепечатал все пять томов с примечаниями к каждому тому на пишущей машинке. Разумеется, это было сделано постепенно, не за один присест. Когда я читаю сейчас, что собрание было подготовлено за полтора месяца (например, в статье Я. Гордина в «Литгазете»), мне хочется поблагодарить авторов, так высоко оценивших мой талант машинистки. Вся эта работа заняла большую часть 1972-го, весь 1973-й и начало 1974 г.

Не следует забывать о корректорской работе. При печати неизбежны опечатки, пропуски, ошибки. Все эти 10 тысяч строк стихов, не считая пьес и переводов, следовало тщательно вычитать. Я вычитывал сам, но за собой не всегда видишь. Просить прочесть другого в условиях тех лет было небезопасно для него. И вообще следовало избегать широкой огласки.

К счастью, было немало настоящих друзей — и моих, и Иосифа. Лев Лосев взял на себя перечитку после моей печати и внимательно вычитал три первых тома. На последние два уже не было времени.

Так был получен исходный экземпляр, который можно было отдавать машинисткам. [...]